И явился ЗВЕРЬ...

Петр Золто

И явился зверь...

Жанр произведения: Фантастика

Произведение написал автор BookBox Peterzolto

Ссылка на публикацию

Я, Господь, сотворил тебя, Я единственный, Кто создал тебя таким, какой ты есть. Я тебе помогал со времен, когда ты был в материнской утробе. Иаков, слуга Мой, не бойся, Израиль, тебя Я избрал.

Цветы вселенной

На экранах, собранных из нанокристаллов, мелькали маленькие, похожие на полоски света огоньки. Огромные панели иллюминаторов заполняли все пространство большого носового отсека звездолета. Лежали под ногами, мягко изгибаясь вверх, ближе к самому носу корабля и обрываясь широкой полосой шпангоута, опоясывавшего все помещение. Закрывали собой весь потолок и боковые стенки, разделяясь шпангоутами чуть потоньше, словно скелетом огромного дракона. Впереди, в окружении звезд, стояло существо, похожее на цветок. Длинный, тонкий и гибкий, как лиана, стебель оканчивался огромным красным бутоном из миллиона похожих на канаты щупалец. Несколько из них, слегка вытянувшись, прижались к огромному экрану, словно притрагиваясь к этим мелькавшим где-то вдали ярким огонькам. Толстый крепкий корень, похожий на ногу улитки, слегка подрагивал кончиком. Огромное черное пространство, окружавшее звездолет, притягивало странное существо. Если бы у него был рот, оно бы, наверное, улыбалось так, как это делают люди. Но в том мире, где родилось это прекрасное создание, необходимости в подобных органах не было. Не было нужды и в глазах, и в ушах, и даже в том, что мы, люди, называем носом. Все органы чувств работали на ощущении электромагнитного излучения. Оно буквально осязало свет, электричество, радиоволны. Впрочем, так же, как и звук, запахи, а может быть, и еще что-то, недоступное для людей. Металлическая дверь в кабину бесшумно раскрылась, впуская внутрь еще один цветок. Желтые щупальца его бутона мелко задрожали. Из них полился странный, едва уловимый аромат. Стоящий впереди вздрогнул. Красный бутон качнулся, распыляя молекулы ответного запаха. Уловив его, желтый цветок на минуту замер, потом неспешно пополз к прозрачной стенке корабля. Его корень вытянулся, и, извиваясь подобно змее, нес красивое создание. Соприкасаясь с экраном, заменявшим пол, он ощущал мягкое радиационное тепло космоса, отчего желтые щупальца-лепестки плавно покачивались, словно их обдувал свежий нежный ветер. Приблизившись к нанокристаллическим экранам, несколько щупалец вытянулось и мягко, словно

боясь вспугнуть, дотронулось до тонкой оболочки, отделявшей их от бесконечного межзвездного пространства. Спустя пару секунд они отпрянули, словно чего-то испугавшись. На миг застыли. А потом уже почти все щупальца прильнули к маленьким звездочкам, мелькавшим полосками за экраном. Красный цветок напрягся. Щупальца, изогнувшись причудливым образом, внимательно ожидали. Желтый бутон не двигался. Он не двигался минут пять. Десять, пятнадцать. И вдруг спустя почти полчаса желтые лепестки оторвались от экрана и затряслись, словно танцуя какой-то веселый танец. Они сплетались и кружили словно в хороводе, источая тонкий, невообразимо приятный аромат. Аромат счастья. Маленькая вытянутая точка в безграничном пространстве, несшаяся с почти световой скоростью, вспыхнула электромагнитными излучателями. Длинный, чем-то походивший на огромного кита корабль задрожал под невероятной мощностью силы инерции и, плавно обогнув очередную планетарную систему, изменил курс. Космическое пространство, пропитанное молекулами водорода и гелия, осветилось яркой плазмой расщепленных атомов газового облака и вмиг погасло. Впереди горела маленькая, едва заметная точка, вокруг которой кружилось 9 планет.

Венера. 7600 год от сотворения мира

1. Тысяча лет прошло с того дня, как умер последний бог. Идол из пантеона идолов, твердивших о царстве небесном. Больше нет сумасшедших, называющих себя сыновьями божьим. Больше нет безумцев, считающих себя пророками. Настало время истины. Настало время человека. Время разума. 2. Мы есть бог. Единственный и истинный творец всего, что ты видишь. Бог земной. Бог всемогущий. Мы — венец эволюции. Конечная и непревзойденная стадия жизни. Мы, величайшие из существ. Мы, сотворившие мир по образу своему и подобию. Мы, позволившие ему жить. 3. Ты — червь, поклоняющийся нам. Ты — раб, принадлежащий нам. Ты — лишь плоть, не имеющая душу. Ты — наше создание, которым мы можем распоряжаться по своей воле и рассуждению. Отдайся нам. Верь нам. Подчинись нам. Ведь только мы знаем, что есть правильно и неправильно. Ведь только мы знаем истину, недоступную для твоего ума. И да сгинет всяк инакомыслящий. И да настигнет его кара. Ибо мы есть бог. Мы есть создатель. Мы бессмертны. Новая Библия 7504 год Человек в черном скафандре стоял на краю гигантского карьера. Внизу, в волнах поднимавшегося к верху воздуха, шумели огромные машины, добывавшие руду. Сквозь черный шлем с большим зеркальным экраном доносился громкий грохот. Желто-коричневое темное небо, затянутое дымкой, обжигало тело. Даже через защитное облачение ощущался жар планеты, от которого некуда было деться. Он проникал в каждую клетку и отдавался гулкими ударами крови в висок. Вдали, сквозь висящую над поверхностью дымку, виднелась пыльная дорога,

выходившая из карьера. Рядом с маленьким, похожим на шар сооружением на обочине у самого выезда стоял большой плакат. Тянувшаяся в бескрайние каменные просторы Венеры и выделявшаяся более темным, бурым, цветом на фоне красных камней полоса дороги, огибая строение, расходилась змейками, терявшимися в раскаленном мареве планеты. Человек вгляделся. Большими, фосфоресцирующими, розовыми буквами на черном плакате красовалась надпись: «Собственность правительства. Карьер находится в ведомстве Главного Управления Наказаний». А под ней еще одна: «Заключенным вход строго запрещен». Мимо плаката проехал огромный аппарат, чем-то похожий на гусеницу, выхватывая светом горящих фонарей из вечного венерианского сумрака клубившуюся пыль. Подвижно соединенные круглые кузова, наполненные доверху горной породой, плавно покачивались на больших широких металлокерамических колесах. Впереди, переваливаясь через кочки, ползла большая голова с огромными глазами прозрачных жаростойких стекол со встроенными в них жидкокристаллическими экранами. Внутри горел тусклый свет. Человек в черном скафандре приблизил картинку. Нейроинтерфейс шлема показал бородатого, одетого в белую робу водителя. — Пора, — прошептал он и отошел от пропасти. Венера слишком опасная планета для живых существ. Передвигаться по ее поверхности было подобно прогулке по минному полю. Он осторожно шагал вдоль края. Идти было тяжело. Углекислый газ атмосферы, сжатый неимоверным давлением, был настолько плотен, что казался больше жидкостью, нежели газом. Красные камни под ногами, раскаленные жаром планеты, были обманчиво крепки. И хотя в целом поверхность была достаточно прочной и даже более твердой, чем на Земле, из-за отсутствия воды, все же иногда и, как правило, неожиданно, нога могла провалиться по щиколотку в полурасплавленную мякоть горных пород. Такие ловушки довольно часто встречались, прячась под тонкой коркой тверди. Соприкасаясь с более холодным покрытием скафандра, почти расплавленный камень очень быстро застывал, налипая на ботинки, и мертвой хваткой приклеивал свою жертву. Многие люди погибали вот так, случайно застряв в природной ловушке и сгорая живьем после того, как кончался заряд батарей и отключалось охлаждение скафандра. Хотя для Венеры их изготавливали из инертных веществ, не подверженных коррозии в кислотной среде и способных выдерживать гигантское давление атмосферы, но за надежность приходилось платить большими затратами энергии на охлаждение. Материалы, нагретые до огромных температур, не выдерживали, и их приходилось постоянно охлаждать. А это снижало продолжительность нахождения на поверхности всего лишь до пары часов. Однако самой страшной опасностью было провалиться в изредка попадавшиеся огненные ямы. В такие ямы иногда проваливались целые грузовики, не говоря уж о неопытных путниках. И выбраться оттуда было невозможно. А еще очень часто попадалась порода, взрывающаяся под ногами. От перепада температуры или просто от

сильного удара раскаленные камни трескались и разлетались осколками, отрывая ступни. Пробираться было тяжело и опасно. При других условиях он никогда бы не решился на столь безрассудную вылазку. Но так было надо. От этого зависело очень многое. В спешке выбираясь тайным ходом из жилой базы, которую заключенные называли между собой саркофагом, человек не взял специальных приспособлений, без которых ходить по Венере было сродни самоубийству. Даже крепкую надежную палку, способную отбить налипший камень и являвшуюся обязательным инструментом венерианского путника, пришлось оставить там, около хода, не говоря уже о специальных устройствах, вроде снегоступов, позволявших спокойно преодолевать места, где мягкая поверхность не могла держать вес человека. Впрочем, он не был новичком на этой планете. И обходил опасные ловушки, замечая их по одному ему ведомым признакам. А мелкие ямки мягкой горной породы были привычным для старожил явлением. Человек в скафандре успевал освободиться, с ловкостью кошки перепрыгивая на ближайший твердый камень. Более всего его внимание занимали люди, сидящие в белом шарике на выезде из карьера. Заключенным колонии запрещалось ходить в одиночку, и человек рисковал. Негаснущее око видело все. От него некуда было деться. Но он шел на этот риск, отгоняя от себя мысль, что эта прогулка может стоить ему жизни. Другого выхода не было. Серые в вечных сумерках облака отражались на черном экране его шлема. По всему было видно, что скоро начнется дождь. Но его это не волновало. Он спешил. Шагая по большим плоским булыжникам, человек в скафандре медленно приближался к будке охранников — маленькому шарику с широкими окошками-иллюминаторами, видневшемуся на обочине рядом с плакатом. Внутри кто-то сидел, вглядываясь в полумрак планеты. Его уже давно заметили. Человек это знал. Инфракрасные камеры, вращающиеся на вышке, рядом с шаром очень явственно выделяли черный силуэт на фоне раскаленной планеты. Спрятаться было невозможно. И он находился под пристальным наблюдением с того самого момента, как выбрался из саркофага, который огромной, призрачной в вечных сумерках полусферой высился неподалеку. В подобных саркофагах, раскиданных по всей планете, жили приговоренные к венерианской каторге. Там было довольно комфортно, хотя и всегда слишком жарко. А из-за повышенного до тридцати атмосфер давления у обитателей Венеры часто болели глаза. Впрочем, человек в черном скафандре уже давно привык к венерианским условиям жизни и нашел в себе способность игнорировать боль. Вглядываясь в оранжевые разливы на желто-коричневом, чуть сероватом фоне неба, он вдруг вспомнил свой дом. Голубая планета, покрытая зеленью деревьев и трав. Как давно это было. Теперь воспоминания казались плодом воображения. И мелькали смутными картинками. Часто даже не связанными между собой. Просто вспышки фотоаппарата, оставившие отпечаток в его памяти. Человек в скафандре невольно бросил взгляд ввысь. Там не было звезд. Не было

голубизны. Даже солнце, несмотря на то, что день на Венере уже которые земные сутки был в самом разгаре, спряталось за вечную ядовито-желтоватую дымку. Вдруг в памяти мелькнуло маленькое детское личико. Большие голубые глаза. Смешная улыбка пухленьких губ. Он тряхнул головой, словно отбрасывая наваждение. Но оно не уходило. И потянуло за собой другие образы давно умершего прошлого.

Призраки прошлого

— Вон там, смотри! Видишь, самая яркая точка справа от луны? — Где, где? — прозвенел детский голос. — Большая такая. Чуть выше. — Вот эта? — удивился мальчик. — Да. Это и есть Венера. Самая яркая планета из всех. Наша сестра. Мальчик прильнул к телескопу. Они почти год откладывали с женой деньги со скудной зарплаты на покупку. И вот, в день рождения, у сына сбылась давняя мечта. Его очень увлекали небесные огни. И мальчик неустанно заглядывал в небо. Видимо, далекие звезды тянули его. Иногда он часами мог рассказывать какие-то странные вещи, о которых прочитал в книжке, о большей части из которых они с женой даже не слышали. И пытался повторить по чертежам древний телескоп Галилео Галилея. Правда, безуспешно. — Может, уже за стол? — оторвал их от созерцания небес женский голос. — Я такой вкусный торт сделала. С кусочками банана, как вы любите. Он обернулся. Человек в черном скафандре точно помнил это мгновение. Оно врезалось в память до мельчайших подробностей. Лицо его жены. Круглое, смуглое, с раскосыми восточными глазами и смешинками где-то в уголках. Ее губы улыбались. Даже через полумрак комнаты он видел нежные щечки с ямочками от улыбки. — Ну мама! — воскликнул сын. — Кушать, — спокойным голосом проговорила она. — Вот всегда так, — проворчал ребенок и, оставив телескоп, поплелся на кухню. Они жили в маленькой квартирке на самом верхнем этаже. Зарплаты ученого физика на большее не хватало. Даже частые переработки не поправляли дело. Жена работала в столовой, готовя еду для рабочих местного сталелитейного завода по двенадцать часов в день. И в круговороте будней вся семья собиралась только ближе к ночи. Наверное, потому тот день рождения сына ему так запомнился. Он тогда впервые в жизни посмел проявить неудовольствие и решительность, отказавшись сидеть в институте допоздна. Человек в черном скафандре вспомнил, как пришел к руководителю и в самой грубой форме послал его к черту. Вместе со всеми начальниками над ним и главарями свыше. Сейчас, разглядывая коричневое небо звезды вечного восхода, человек усмехнулся. Если бы он знал тогда. Если бы… Впрочем, теперь уже ничего не изменить. Он — обычный зэк, из миллионов таких же перепрыгивал через ямы раскаленного камня на яркой планете в десятках миллионов километров от Земли. От такого родного дома. Что стало с женой, сыном? Тут часто говорили: «Попал в тюрьму

— меняй жену». Он отказывался верить, что это правда. Гнал прочь простую и логичную мысль. Та жизнь, которая была раньше, умерла. Он умер. И никому больше не нужен. Теперь есть лишь это коричневое, с яркими, ядовито-желтыми разливами и зеленоватыми всполохами молний небо. И вечный жар раскаленной докрасна планеты. А сын? Сердце словно оборвалось и на секунду перестало биться. Невольно губы сжались в тонкую полоску и на скулах вздулись желваки. Коричневое мрачное небо, казалось, гудело. В голове раздавался явственный и столь же призрачный гул. Как будто над ним жужжал целый рой пчел. Человек в скафандре вздохнул. В груди что-то стукнуло. Еще раз. Еще. Проклятое небо Венеры все так же висело над ним. Он на минуту остановился, осмотрелся. Кирпично-красный пейзаж Утренней звезды парил и призрачно переливался в потоках раскаленного газа, поднимавшегося от поверхности вверх. В желтовато-коричневое марево. Человек вздохнул и продолжил идти. Все это неважно, убеждал себя он. Важно лишь завершить начатое. Рука в грубой черной перчатке скользнула по специальному карману на скафандре. Обычно такие карманы использовали для переноски инструментов или образцов породы. Но теперь в нем лежало то, что было дороже жизни. То, что изменит все.

Земля. Десятью годами ранее

В институте царила кутерьма. Это ощущалось буквально с порога. Как только он открыл большую стеклянную дверь, то ощутил странное возбуждение, поглотившее сотрудников. Всюду сновали разные ученые. Тихо, полушепотом переговаривались и не в силах скрыть эмоций махали руками, пытаясь доказать собеседнику что-то, о чем вошедший только что человек не знал. Даже охранник с биркой гвардейца, сидящий в будке у входа, казалось, был не в себе. Его глаза округлились и, не останавливаясь, метались из стороны в сторону. Словно отстреливая каждого неосторожного научного сотрудника. — Что такое? — поинтересовался он, с интересом посмотрев на гвардейца. — Хрень какую-то нашли, — буркнул тот. — Какую? — человека в скафандре тогда тоже начало разбирать любопытство. Сейчас он даже усмехнулся бы. Но тогда… — Да я знаю? — отмахнулся от какого-то кандидата охранник. — Ну и черт с тобой, — буркнул кандидат физико-математических наук и прошел внутрь. Шагая по мраморному полу вестибюля и с удивлением взирая, как сотрудники перешептываются друг с другом, его любопытство росло с геометрической прогрессией и, добравшись до широкой мраморной лестницы, ведущей наверх, к его маленькой лаборатории, оно достигло апогея. Поэтому, столкнувшись со спускавшимся по ней знакомым, работавшим по смежной с ним теме, он очень обрадовался. — Здорова, — протянул тому руку и, не дав открыть рот, тут же начал осыпать вопросами: — А чего тут? Машину времени открыли? Perpetuum mobile? — Да какой там, — прислонившись к уху, прошептал знакомый, — тут дело посложнее. Ты разве не

слышал еще? — Что не слышал-то? Нет, я пришел только что, — удивился он. — Вчера ночью привезли одну штуку. Тут целая рота гвардейцев была. С бронетранспортерами, автоматами. Да в касках все. Ну ты понял, о чем я? А самые главные из них, я даже не знаю кто. Ну точно не федералы и не шпионы. Какие-то секретные. — Ну и что? — приготовился он. — Штуку одну привезли. Говорят, нашли на Венере. Говорят, искусственная. Говорят, не нами сделано. Я, конечно, ничего не знаю, но так люди говорят. — Не нами? А кем? — задумался он. — Да вот то-то и оно, — прошептал знакомый. — Кем, если не нами? — И сделал круговой жест рукой, чем привлек внимание охранника в будке. — Ой, ладно, я побежал, — похлопал по плечу знакомый. — Да, кстати, похоже, этой штукой будете заниматься вы, — подмигнул ему. — Ну, ты это, поосторожней. Береги себя. — И, бросив его, тут же убежал. В недоумении он поднялся по лестнице на третий этаж большого каменного здания института. И, пройдя по длинному коридору, постучал в старенькую обшарпанную дверь. Ему никто не ответил. Тогда повернул ручку и, толкнув ее, заглянул внутрь. — Солнце не всегда было таким горячим, как сегодня… Вокруг большого стола собрались все научные сотрудники, работавшие в их отделе. А руководитель — мужчина невысокого роста с длинной неухоженной бородой, в футболке и спортивных штанах — что-то рассказывал подчиненным. Он тихонечко протиснулся в дверь и неосторожно щелкнул замком, обратив на себя внимание. Все обернулись. — А, вот и наш вечный опоздавший, — пробасил начальник. — Ну что, голубчик, опять что-то отмечали? — Я не опоздал, — с пренебрежением бросил он, — восемь часов — я здесь. — А мы сегодня на два часа раньше решили собраться, — сжигая его глазами, чуть не выкрикнул бородатый. — Ну могли бы сказать, — проворчал он. — Ах, извините, что вашу светлость не предупредили! — вскипел от ярости начальник. Человек в скафандре тогда хотел было ответить, но подбежала лаборантка, проходившая аспирантуру в лаборатории их отдела, и подсунула папку с какими-то бумажками. — Подпишите. Это за секретность, — большие голубые глаза, казалось, улыбнулись. Он достал из кармана ручку, которую по давно выработавшейся привычке всегда носил с собой, и, не читая, начал ставить автографы в кипе документов. — Ну так вот, — продолжил начальник прерванную лекцию, — мы ошибались, и теперь у нас есть доказательства. Когда-то, миллиарды лет назад, на Земле был ад. Наша прекрасная голубая планета была раскаленным шаром, постоянно бомбардируемым космическими булыжниками, которые нещадно отправлял к нам Юпитер. Венера сегодня — это прошлое Земли. Но тогда, тогда все было иначе. Тогда Солнце еще не испепелило прекрасную богиню любви. Оно светило намного слабее. Конечно, там было немногим лучше, чем на Земле, но все же. Космические булыжники прилетали не так часто. Наша Земля вместе с Марсом принимала на себя первый удар, а Солнце оберегало Венеру своей мощной гравитацией, отклоняя большинство из тех, что не падали на нашу планету и

Марс. Заметьте, лишь у Венеры и Меркурия нет спутников. Даже крошечный Плутон летает тандемом с Хароном, — многозначительно поднял палец вверх начальник отдела. — Условия на Венере четыре миллиарда лет назад были гораздо благоприятней, нежели на Земле. Поэтому, судя по всему, жизнь там зародилась раньше. Всего лишь на пару сотен миллионов лет раньше. Но что такое пара сотен миллионов лет? На Земле двести миллионов лет назад существовал единый континент Пангея. И динозавры бегали. Пургатории — наши древнейшие предки — появились шестьдесят шесть миллионов лет назад. Вот и представьте, что такое двести миллионов лет. И как вы думаете? Если зародилась жизнь на Земле и превратилась в нас, могло ли произойти то же самое на Венере, только гораздо раньше? — А чего нашли-то? — шепотом поинтересовался он у стоящего рядом мужичка в рубашке и брюках. — Так, — гневно посмотрел на него начальник, — вы либо выйдите отсюда, либо не мешайте. — Я молчу, — вскинул он руки вверх. — Ну вот и молчите. Без ваших реплик обойдемся, — проворчал академик, рассказывавший про Венеру. — Устал уже молчать, — буркнул он себе под нос. — Да и существовала там жизнь наверняка очень долго, — продолжил начальник. — Ведь парниковый эффект был не всегда. Если сегодня там была бы другая атмосфера, например такая как на Земле, то и условия были бы вполне вольготными для жизни. Да, намного теплее, чем на нашей планете, но все же. Она была бы раем. Чем-то вроде Земли во времена Триаса. Однако что-то случилось… — Но если существовали две планеты одновременно, на которых были подходящие условия для жизни, почему венерианцы не заселили Землю? Ведь у нас нет никаких свидетельств их присутствия на Земле, — удивился молодой аспирант, недавно пришедший из вуза в их институт и еще не знавший местных порядков. — А какие свидетельства могут быть? — пристально посмотрел на него академик. — Если они посещали нашу планету несколько сотен миллионов лет назад, то засвидетельствовать это было некому. Потому мы и не знали о них ничего. А расселиться на Земле? Ну представьте: у нас есть множество баз на других планетах, в том числе и на Венере. Однако заселить мы их не можем. Эти колонии слишком зависимы от материнской планеты. Да и мы сами… Смогли бы мы выжить на нашей собственной планете во времена какого-нибудь юрского или триасового периода? И дело даже не во флоре и фауне, а в микроорганизмах того времени. Даже методы генетической модернизации человеческого рода не смогли бы бороться с инфекциями. Я уж не говорю про фармакологию. Микроорганизмы эволюционируют гораздо быстрее нас, и угнаться за ними мы никогда не сможем. Почему они не заселили Землю? А может быть, биосфера одной планеты выдавливает чужеродные для нее организмы другой планеты? Ну как предположение. Это вроде как естественная защитная реакция на инфекцию. — Но ведь были бы окаменелости, следы их баз на Земле или Венере? — не унимался молодой. — Да кто вам сказал, что они

посещали Землю? Возможно, им это было совершенно не нужно? Кроме того, а какие следы? Несколько точек на поверхности, которые надо еще и найти, а потом каким-то образом еще и связать с венерианцами и только с ними. Ну это невозможно. Да и вполне вероятно, что они никогда не посещали Землю. И причин для этого может быть много. Например, как я уже упомянул, боялись подхватить какую-нибудь инфекционную болезнь. Да и не в этом дело. — Академик усмехнулся. — Мы всегда считали, что жизнь могла возникнуть только на Земле, но мы ошибались. Они жили. Понимаете, жили. А потом с ними что-то случилось. Что? Нам неизвестно. И вряд ли мы когда-то доподлинно об этом узнаем. Но вот эта штука, — лектор покрутил в руках серебристый предмет с мерцавшими на нем странными зелеными символами, — вот эта штука доказывает, что когда-то на звезде заката была жизнь, и, более того, разумная жизнь. Вот вам и свидетельства. — Начальник победно взглянул на подчиненных. — А что это? — не удержавшись, выкрикнул опоздавший в тот день человек, пытаясь понять, что было в пропущенной части лекции. — Не знаю, — пожал плечами академик, — вот этим-то мы и займемся. — А чего она светится? — удивился кто-то. — Видимо, там внутри должен быть источник энергии. — Несколько десятков, а то и сотен миллионов лет светится? — поддержал молодой. — На такое даже энергии ядерного распада не хватит. Или они исчезли гораздо позже? — Я вам открою маленькую тайну, — загадочно улыбнулся начальник, — мы, — он показал пальцем вверх, — предполагаем, что здесь заключена темная материя. По крайней мере, только ее энергии хватило бы на такое длительное время работы. — Но это невозможно. В таком маленьком контейнере… Для хранения такой энергии требуется огромнейшая специальная станция. И то как минимум, — возразил кто-то. — Да, вот такой маленький контейнер, — усмехнулся академик. — Невероятно! — прокатилось по залу. — Тем не менее, — поднял бровь начальник, — я вам даже больше скажу. Когда этот предмет перевозили на Землю, в тот момент, как он попал в космическое пространство, вернее вышел из-под интенсивного воздействия гравитации Венеры, с ним начали происходить непонятные изменения. Он начал мигать с очень большой частотой и что-то излучать. По крайней мере, электромагнитные волны были зафиксированы. Так происходило до самого приземления. То есть, попав под воздействие гравитации Земли, излучение прекратилось. — Может, эта штука какой-то передатчик? — предположил тогда человек в скафандре. — Вы бы со своими псевдонаучными предположениями знаете что? — огляделся по сторонам начальник. — Если будете всякую ерунду придумывать, так и пенсию встретите кандидатом. — Невероятно, что вы смогли его найти. Вряд ли такая технология могла быть массовой. А обнаружить нечто подобное — это вообще невозможно. Как вы сами сказали, надо еще знать, где копать. Ведь… — встряла пожилая женщина в очках — доктор наук. — С чего вы это взяли? — перебил ее начальник. — Нет, я конечно согласен, если технология очень редкая, то

обнаружить ее следы почти невозможно. Ну а если она не так уж и редка? А если вот такие штуки были обычным бытовым прибором? — посмотрел на нее академик. — Вроде наших гаджетов, — усмехнулся молодой. — А что, если это смартфон венерианцев? — По его лицу расплылась улыбка. — Ну нет. Если они изобрели такое, значит, были явно разумнее нас. И скорее всего, это было бы очень секретной технологией. «Ведь поломка одного такого прибора могла бы стоить жизни миллионов венерианцев», — выкрикнул лысый доктор наук. — Миллионов? Что вы, берите выше. Всех венерианцев. Всех, — поднял палец вверх академик. — Ну, это совершенно не вяжется с разумностью. Неужели они этого не понимали? — удивился молодой. — Вопрос их разумности нам неизвестен. Древние египтяне строили пирамиды задолго до того, как нечто подобное научились делать мы. Притом, что нашими технологиями не обладали. И если мы, находясь на нашем уровне технологического развития, не изобрели вот это, — академик кивнул на серебристый предмет, — это не значит, что мы глупее их. Это означает лишь то, что у них были другие технологии. А что касается распространения опасных технологий, так знаете… — лектор умолк. — Что? — выкрикнул кто-то из толпы слушателей. — Не все разумные цивилизации используют технологии так же аккуратно и осторожно, соблюдая все необходимые правила безопасности, как мы. Видимо, венерианцы не были такими, как земляне. Вот и результат. — Думаете, когда-то у них нечто вроде такой штуки взорвалось? — внимательно посмотрела на начальника женщина в очках. — Мы не знаем, что произошло, но работать с этой штукой надо очень осторожно, — проговорил начальник, — если это устройство рванет, извините меня, то мало не покажется. — А может, быть не рванет? — вклинился человек в размышления старших научных сотрудников. — Может, она подает кому-то сигнал? — Да в любом случае. Вы не слышали про гипотезу «темного леса» ? — осадил его академик. — Слышал, конечно, — пробурчал он. — Ну вот, — обжег его взглядом начальник отдела. Послышались всеобщие неодобрительные вздохи в его сторону. — Думайте, чего говорите. Нам сигналы не нужны. Надо только лишь понять, что это за штука и как она устроена. Большего нам не надо.

Жизнь в аду

Задумавшись, человек в черном скафандре отвлекся и не заметил, как нога провалилась в темно-красную расплавленную мякоть горных пород Венеры. Раскаленное вещество, соприкоснувшись с холодным по венерианским меркам скафандром, тут же начало затвердевать, схватывая зазевавшегося путника и приковывая его к поверхности планеты. Вокруг ботинка образовалась область почерневшего камня. Он резко дернулся. Но уже застывшая порода не хотела отпускать свою жертву. Лишь чуть-чуть ботинок поднялся вверх и застрял. Он дернулся еще раз. Но ботинок был зажат. Небольшое пространство,

образовавшееся после первого рывка, было слишком мало. Ноге не хватало импульса, чтобы проломить застывший сверху камень. Человек опустил ногу вниз, по опыту зная, что в таких случаях остается только ждать. Надо дать камню, застывшему сверху ботинка, время прогреться. Огляделся. Желтовато-коричневое марево висело над Венерой. Поднимался ветер, переворачивая небольшие камни по поверхности и унося куда-то мимо него. Здесь ветра были совсем не похожи на земные. Их скорость у поверхности намного меньше, но при невероятной плотности атмосферы даже легкий ветерок был весьма ощутим и вполне мог опрокинуть человека. Он выругался и попробовал выдернуть ногу. Чуть подогревшийся камень треснул, но не сломался. Тогда он снова дернул. Камень держал крепко. Человек в скафандре бросил быстрый взгляд на белевшую у развилки будку охранников. Там было тихо. И, как ни странно, никого не видно. Небольшое облако пыли медленно прокатилось над темной полосой дороги. Он вгляделся. Из будки никто не выходил. Вокруг него было только коричневое с желтым небо да небольшие облака пыли, перекатывавшие красные камушки по поверхности. Представил часы, давая команду нейроинтерфейсу шлема. Перед глазами возник циферблат. Еще почти час, подсчитал человек. Потом энергообеспечение скафандра отключится, и тогда все. Жар планеты в несколько минут сожжет его заживо. Он даже задохнуться не успеет. Дернул изо всех сил ногой. Разогревшаяся порода чуть поддалась, но не выпустила. Он дернул еще раз, и нога с треском выбралась из ловушки. Быстро отпрыгнув в сторону на более темный, чем остальные, твердый и плоский камень, человек остановился и принялся стучать ботинком. В стороны полетели маленькие шарики прилипшего к нему вещества. Они маленькими блестящими комочками черного стекла ударялись о лежащие по близости валуны и разлетались маленькими брызгами. В памяти всплыло, как когда-то, десять лет назад, они с женой и сыном выходили из магазина. Тогда был обычный день. Ничего не предвещало беды. Лишь гораздо позже, уже в корабле, увозящем его на эту сумеречную планету, он узнал, что всех, кто так или иначе был связан с той странной штукой, схватили гвардейцы. Ему еще повезло. Так как человек в скафандре был не самым лучшим сотрудником института и знал не очень много, то получил каторгу. Большинство ученых, работавших над той венерианской находкой, расстреляли. Даже академик, светило академии наук и начальник над всеми ими, говорят, повесился в камере еще до суда. По официальной версии — не выдержал угрызений совести. Тогда шел крупный редкий дождь. Большие капли падали сверху и разбивались мелкими брызгами об асфальт. А серое небо с едва пробивавшимся сквозь темные облака солнцем, казалось, вот-вот разразится градом. Мимо пробегали прохожие, спеша спрятаться в автомобилях и, минуя пробки, оказаться в своих теплых уютных квартирах, в мягких постелях около большого телевизора, где показывали прекрасную жизнь. Светлую и веселую. Полную приключений и совершенно не

похожую на серую неприглядную реальность. Удивленные глаза жены навечно врезались в память. Тогда на крыльце большого и красивого супермаркета к ним подбежало с десяток человек в масках. Он даже не понял, как это произошло. В мгновение оказался лежащим в грязной луже, и рядом с его лицом упал пакет с только что купленными продуктами. Кто-то больно пнул его по печени, потом в живот, по спине. От боли он согнулся. И взгляд упал на сына. В его глазах читался страх. Яркие голубые глаза. Большие, как у матери. Непонимающие и испуганные. Откуда-то, словно издалека, до него донесся крик жены. Ее не было видно. Она находилась вне поля зрения. Он попытался вырваться. Изо всех сил, превозмогая боль, дернулся, вырывая завернутые за спину руки. И тут же на него обрушился град ударов. Гвардейцы били со всей силы, не заботясь о том, что могут забить до смерти. Били, ломая ребра, руки. Им было плевать. Виноват, не виноват. Им дела не было. Лужи вокруг окрасились красным. Он тогда не сразу понял. Лишь смутно до его сознания дошло, что это была кровь. Он не знал откуда. Не знал, что сломано. Не знал, выживет или нет. Тяжелые ботинки со стальными носами со всей силы били беззащитного человека. И сквозь пелену, накрывавшую сознание, доносился истошный крик жены. Лишь на одно мгновение человек увидел лежащее на земле тело. Окровавленная футболка в зеленую и синюю полоску. Белые в брызгах грязи штаны. И безжизненный взгляд детских глаз. Сознание отказывалось верить, цепляясь за воспоминания. Может, показалось? Может, просто упал и сейчас встанет, как уже бывало? Ведь дети не могут умирать. Но понимание, что произошло непоправимое, когтями впивалось в мозг. И медленно скребло по телу, разрывая плоть. Наверное, он тогда кричал. Человек этого не помнил. Все, что осталось в памяти, — это голубые удивленные глаза. Тонкая красная струйка, сочившаяся из головы сына. И лужа крови, в которой лежал он. Истошный крик жены доносился до него словно из могилы. Позже, уже в тюрьме, он много раз вспоминал этот крик. Они с сыном так и остались в памяти растворившимися в черном грязном дожде. В тех больших каплях воды, падавших с неба и разбивавшихся вдребезги о грязный черный асфальт. Мир остановился. Время встало. Суд был заочным. Ни присяжных, ни заседателей. Лишь клетка. Ботинок, зашнурованный по гвардейскому образцу, мелькнул перед глазами. Его голову пинали словно футбольный мяч. Свет погас. Не было ни искр, ни тоннеля. Лишь черная бездна, в которую тогда провалился человек, ощущая дикую боль по всему телу. В тот день, когда он умер, осталась только боль. Человек в черном скафандре глубоко вздохнул, отбрасывая призраков прошлого. Той жизни больше нет. Теперь есть лишь коричневое небо над головой да вечные окрики охранников. Странная жизнь, больше походившая на чистилище. Наверное, только таким термином и можно было назвать царившие в Главном Управлении Наказаний порядки. Но это уже неважно. Уже все неважно. А важно лишь то, что лежит в кармане скафандра. Он огляделся и быстрым шагом пошел дальше. Надо было нагнать

упущенное время. Поэтому человек спешил. Из огромного карьера по левую руку доносились громкие звуки загружаемой в большой грузовик породы. Этот состав из больших кузовов пропустить было нельзя. Человек в скафандре отбрасывал мысли, пытаясь сконцентрироваться на деле. Это было необходимо. Рассекая плотную атмосферу, словно идя против течения, он уверенно шагал вперед. Не обращая внимания на усталость. Но мысль брала свое. Человек разумный не может не мыслить. И незаметно для себя он снова погрузился в размышления. После изобретения коммерческой космонавтики полеты в космос стали обыденным явлением. Сначала появился космический туризм. А когда в карманы сильных мира сего потекли триллионы, началась добыча полезных ископаемых на других планетах. Отдельные голоса ученых, кричавших о недопустимости такого вмешательства в неземную среду, остались никем не замеченными. Он помнил с детства документальные фильмы, в которых показывали каких-то животных, обнаруженных на Марсе, Венере, Европе и многих других планетах. Но вскоре они исчезли. И теперь остались в памяти лишь в виде смутных образов, искаженных вымыслом. Вышло огромное количество разгромных статей, написанных великими мыслителями. И позже, уже учась в институте, человек сам громко смеялся над подобными идеями. Впрочем, это было тогда. Теперь он так уже не смеялся. Они часто находили здесь останки странных существ. Когда-то на Венере была жизнь. Возможно, очень давно, а возможно, нет. Разговаривать на эту тему было запрещено под страхом смерти. И никто не знал доподлинно о происхождении останков, их возрасте и тем более о существах, которым они принадлежали. Официальная версия, известная всем, говорила, что жизни в космосе нет. И единственная обитаемая планета — это Земля. Наверное, человек в черном скафандре и сам бы верил в это, если бы не знал альтернативную версию. Ведь та штука, из-за которой он здесь, была реальна. Он сам держал ее в руках. Молчал. Никому никогда не говорил. Но помнил. Помнил все. Разработка месторождений на других планетах была делом затратным. И, стремясь увеличить выгоду, сильные мира сего решили использовать заключенных. Перевезти тысячу человек не составляло труда. Современные двигатели были куда более экономичными, нежели в прошлом, на заре освоения космоса. И тысяча зэков — это всего лишь один корабль, груженый рудой. А такие корабли летали сотнями каждый день. Они перевозили полезные ископаемые на одну из специальных баз, находящихся на орбите между Землей и Венерой. Где и происходила сортировка материалов. Пустой породы не было. Все шло в дело. Что-то выплавляли, что-то вытягивали и отправляли на Землю. А шлам пускали на строительство новых отсеков космической базы. Таких баз было несколько на разных орбитах: примерно с десяток вблизи Венеры, еще столько же около Марса и несколько штук за Юпитером. На таких базах работали наемные законопослушные инженеры и рабочие. А их, заключенных, отправляли на добычу. Самых опасных, таких как

он, гнали на Венеру. Это был билет в одну сторону. Даже трупы умерших никогда не покидали Утреннюю звезду. Человек в скафандре пробираясь через раскаленную докрасна венерианскую землю, вспоминал, как когда-то прибыл сюда. Как их пинками выгоняли из корабля, где они почти полгода провели в темной жестяной банке. Где даже дышать было тяжело. Почти тысяча человек была заперта в практически неосвещаемом пространстве. Тут не было шконок, не было столовых. Спали просто паря в невесомости. И когда человек просыпался, то видел перед собой чью-то спину. А за ней еще и еще. Контейнер для перевозки заключенных был забит человеческими телами. Невозможно было махнуть рукой, не задев при этом кого-то из соседей. Очень часто ладонь махнувшего наталкивалась на что-то холодное. Первое время человек в скафандре пугался, ощутив ладонью мокрый холод трупа. Потом привык. В воздухе стоял невыносимый смрад, исходящий от туалета и человеческих тел. Многие заболевали. И большинство из заболевших погибало еще до прибытия на Венеру. Наверное, они были счастливчиками. В воздухе постоянно плавали шарики чьих-то плевков, вылетавших при кашле, который не смолкал. И когда к ним, как к животным в клетку, закидывали питательную пасту. То есть ее приходилось вместе с чьими-то слюнями и соплями. То время он вспоминал как ад. До пункта назначения добрались далеко не все. Согласно официальной статистике, о которой он узнал как-то раз, подслушав разговор двух охранников, при транспортировке погибало около тридцати процентов зеков. Он помнил, как эти двое тогда смеялись, сидя в комнате и попивая чай. Дескать, кто не дожил — тот и здесь недолго проживет. Выживает сильнейший. О-о-о, каким раем ему показалась Венера после тесного корабля. Человек в скафандре даже сейчас, после стольких лет, не смог удержать улыбку, скользнувшую по изрезанному морщинами лицу. Он помнил, как открылась герметичная дверь и внутрь консервной банки пролился такой яркий свет, что ослепил глаза выжившим после перелета. Большой телескопический трап, плотно прижавшийся к борту, словно присоска огромной пиявки, стал для них знамением жизни. Лишь тогда человек понял, насколько сильно хочет жить. А все эти охранники, что лупили их изо всех сил, гоня по светящемуся тоннелю, были всего лишь мелкой неприятностью, на которую не стоило обращать внимания. И оказавшись в большом помещении вестибюля космопорта, разглядывая сквозь большое жаростойкое стекло огромную ракету, на которой они прилетели, он вдруг вспомнил библию. Не ту, которую вбивали в головы землянам с самого детства, а запрещенную. Книгу предков. Когда-то в детстве его отец читал ее детям, пряча под матрас, едва заслышав подозрительный шорох где-то за дверью. Теперь он не знал, что с этой книгой. Она пропала, как только отец умер. Но, наверное, отдал бы все на свете, лишь бы прочитать ее снова. Да и отца уже нет. И матери. И того мира, который был тогда. А здесь была маленькая коробка, соединенная в целый состав таких же, на которых их перевезли в саркофаг — в большое

полусферическое строение рядом с карьером. Там было тесное помещение, в котором жили заключенные. Длинные ряды шконок в три этажа. Большой туалет. Комната хранения вещей. И столовая. Сразу по прибытии их разделили по отрядам. Каждый отряд жил на своем этаже. Ему, по счастью, достался первый. Около самой поверхности. Около тайного лаза, устроенного в одном из цехов столовой. Этот лаз существовал задолго до него. И человек в скафандре не знал тех людей, которые соорудили это. Скорее всего, их уже не было в живых. На Венере долго не живут, и таких старожилов, как он сам, было по пальцам пересчитать. Среди заключённых мало кто знал о существовании этого хода. Но, к счастью, и охранники были абсолютно уверены, что выбраться из саркофага невозможно. А поэтому никогда даже не задумывались о вероятности побега. Наверняка они и не предполагали, что зэки сумеют прокопать узкий проход наружу и догадаются оснастить его наглухо закрывающимися переборками, соорудив отсек для выравнивания давления. Смогут раздобыть и спрятать не учтенный скафандр. И придумают, как подменять специальные радиомаяки, служащие для опознания личности. Для них они были чем-то вроде скота. Тупого и безмозглого. Несмотря на то, что среди заключенных многие имели научные степени в самых разных областях знания. «Человек, достоин ли ты жить?» Этот вопрос очень любил задавать один из охранников. Самый здоровый. Тот, который каждый день выстраивал весь отряд в проходе между шконок, и, медленно шагая вдоль строя изможденных людей, задавал один и тот же вопрос: «Человек, достоин ли ты жизни?» Люди отвечали разное. Кто-то ломался и пытался угадать правильный ответ. Кто-то оставался верен себе. А другие просто молчали, понимая, что правильного ответа нет. И он бил. Бил людей, словно перед ним было не живое существо, а нечто мертвое. Словно боксерская груша. И ему было безразлично, кто перед ним стоит, и почему этот кто-то здесь, а не в теплом уютном гнездышке где-нибудь в большой красивой многоэтажке со всеми удобствами. Человек в скафандре помнил, как однажды тот охранник подошел к нему. Как ткнул тяжелой дубинкой в грудь и, пристально смотря в глаза, задал свой извечный вопрос. А у него тогда вырвалось: — А разве жизни надо быть достойным? Здоровенный охранник вдруг заулыбался и оскалил зубы. — Жизнь тебе дана великими мира сего. Ты должен быть благодарен им за то, что еще не сдох. Он помнил, как плюнул тогда этому охраннику в рожу. И громко выкрикнул: — А достойны ли эти великие жизни? — Губы вытянулись в насмешку. — Что смотришь?! — крикнул он. — Да, да! Сами великие! Достойны ли они того, чтобы жить? Ведь в конечном счете это они, сидя в теплых залах дворцов, уничтожают жизнь повсюду, докуда могут дотянуться. Это они когда-то создали Освенцим. Устраивают геноцид над неугодными народами. Это они взрывают бомбы над головами мирно спящих людей. Это они превратили homo sapiens, человека разумного, человека свободного, в то, чем мы являемся теперь. Тебе никогда не приходило это в

голову? Ответа он не получил. Громила в форме размахнулся и со всей силы ударил его. Он упал. Потом его долго били. Били ногами, руками, резиновыми дубинками. Когда он терял сознание, обливали водой и снова били. Перед строем молчавших зэков, боявшихся пошевелиться и оказаться рядом с ним. А охранники, чувствуя свою безнаказанность, входили в раж. И сыпали на него удары все сильнее и чаще, радуясь каждому сиплому вздоху, который вырывался из его легких. Наверное, только одно не дало ему тогда умереть. Он видел перед собой улыбающееся лицо сына. Его смешливые глаза небесного цвета, которые вдруг становились удивленными и безжизненными, словно отстранившимися и ушедшими навсегда. А потом случилось невероятное. С того дня прошло, наверное, лет пять или шесть. Человек в скафандре уже давно сбился со счета. Да и подсчитывать время, проведенное в аду, не имело смысла. Как-то раз, когда их по обыкновению выгнали на работы и заставили засыпать вручную огромную яму, образовавшуюся на дороге, он нашел маленький прямоугольный предмет, такой же как тот. Обычно заключенные работали в цеху на погрузке, разгружая грузовики, привозившие породу из карьера, а потом загружая ее в специальные контейнеры, предназначенные для транспортировки на корабле. Там работа была легче. Но его после того плевка перевели на второстепенные работы. Туда отправляли обычно за нарушения правил внутреннего распорядка. В самый ад. Они вручную таскали огромные раскаленные булыжники, валявшиеся на поверхности, и кидали их в яму. Такие ямы совершенно спонтанно временами образовывались на поверхности Венеры. Иногда, спустя некоторое время, они перемещались в другое место или застывали, снова образуя твердую, очень крепкую поверхность. Иногда нет. Температура недр была на много выше, чем в атмосфере. И там, под твердой оболочкой, происходили процессы, зачастую трудно предсказуемые. Очень часто в такие ямы проваливались засыпавшие их зэки. Спасти их было невозможно. Да и никому не нужно. И вдруг, подойдя к одному огромному булыжнику, под его ногами в свете фонарей что-то блеснуло. Человек в скафандре поначалу решил, что это очередная ловушка, подобная той, что они забрасывали камнями. Уже приготовился отпрыгнуть в сторону, ведь провались он ногой, камень мгновенно схватится, пленяя его, а то и вовсе начнет затягивать в глубину полурасплавленного раскаленного вещества. А спасать тут было некому. Но присмотревшись, замер, боясь поверить своим глазам. На изрезанной трещинами поверхности лежал серебристый прямоугольный предмет с непонятными символами. Он быстро огляделся и, улучив момент, пока никто не видит, сильно пнул предмет ногой, выламывая его из породы. А потом быстро нагнулся, словно что-то поправляя на ботинке, и схватил маленький камень с посланием инопланетной цивилизации.

Темный лес

В бараке горели ночные светильники. Уже был объявлен отбой. И все заключенные лежали на шконках. Ходить было запрещено. Даже в туалет. И если кто-то не успел справить нужду, то ему приходилось терпеть до утра. Где-то в углу раздавался громкий храп. С другой стороны ему вторило чье-то сопение. После тяжелого рабочего дня люди падали без сил и практически мгновенно отключались. Хотя бы несколько часов поспать. Иначе выжить здесь было невозможно. — Теория «темного леса»! бред собачий! — выкрикнул маленький плюгавый пожилой мужичек на соседней шконке. — Поверьте мне, молодой человек, этого не может быть. — Тише вы, — шикнул кто-то, — отбой уже был. С ума сошли? Сейчас охранники придут — и начнется. Лучше молчите. — Не знаю, — шепотом, ответил он плюгавому, — не знаю. — Эх, молодой человек, — махнул рукой, бывший профессор философии, — посмотрите на нас. Что вы видите? — Что я вижу? — удивился он. — А как вы думаете, что я могу видеть? — Злость, ненависть, боль, кровь, — пожал плечами профессор. — Но ведь это не все. Вы сами знаете, что не все. У вас же была мама, дети. Была другая жизнь. Перед его глазами мелькнули голубые детские глаза. Он посмотрел на плюгавого зэка, запертого в вечном сумраке Венеры, и отвернулся. Разговаривать не хотелось. — Нет, это невозможно, — не унимался тот, — если какая-то инопланетная цивилизация настолько развилась, что смогла покинуть планетарную систему своей звезды, то она должна была развиться в самых разных направлениях. Невозможно развитие только в одну сторону. А следовательно, она должна быть достаточно мудрой, чтобы ценить жизнь. Любую жизнь во вселенной. — С чего это вдруг? — бросил он профессору не оборачиваясь. И после некоторого раздумья продолжил: — Подумайте сами. Просто логика. Если во вселенной существуют разумные цивилизации, единственная задача которых уничтожение других разумных цивилизаций, значит, их технологический прогресс должен протекать в сторону развития военных технологий. Это логично. — Совсем не обязательно, — усмехнулся собеседник, — они могут развиваться в разных направлениях. И совсем не обязательно только в военных. Дверь в барак открылась, и в проеме возникло лицо охранника. Он внимательно посмотрел вглубь коридора, образованного рядами шконок. И громко крикнул: — Наряд в столовую. Подъем. Вставайте твари, работать пора. Дверь закрылась. Послышалось кряхтенье спрыгивавших со шконок людей. Шлепанье тапочек в сторону туалета. Кто-то одевался, тихонько проклиная все на свете. — А тебя, урод, не касается, что ли? — толкнул его в бок один из активистов. Человек в скафандре окинул его взглядом. В отряде знали, что с ним лучше не связываться. За десять лет на этой планете с человеком многое происходит, и граница между желанием жить и умереть

постепенно стирается. Тот отвернулся и пошел вымещать злость на недавно прибывшем молоденьком парнишке, удивленными глазами взиравшего на всех, словно не веря, что все это происходит с ним в реальности. — Посмотрите на нас, — двинул бровью человек. — На Земле когда-то люди воевали заточенными железяками и убивали ими все живое. Потом придумали порох. И делали то же самое, но гораздо интенсивнее. Потом термоядерную бомбу. Как известно, их тоже взрывали. А ядерные бомбы даже в мирных городах. А уж убивать себе подобных — так вообще самое любимое дело людей. Если дать человеку возможность, он обязательно придумает такую штуку, которой можно взорвать планету. И неужели вы думаете, что наличие на ней какой-то там жизни нас может остановить? — Нет, молодой человек, нет. Не может, — вздохнул профессор. — Но дело не в этом. Просто логика, подумайте сами. Если разумная цивилизация, живущая где-то во вселенной, развивается по нашему подобию, то рано или поздно она должна была придумать бомбу, способную уничтожить вселенную. Понимаете, о чем я? — улыбнулся профессор. — Нашей вселенной почти четырнадцать миллиардов лет, и это не конечная цифра. Некоторые утверждают, что вселенная существует более двадцати миллиардов лет. А Солнечная планетарная система существует всего лишь четыре с половиной миллиарда лет. Вот и посчитайте. — Вы хотите сказать, — повернулся к нему человек, — что, если бы такие цивилизации существовали, то как минимум за девять миллиардов лет они бы наверняка успели придумать нечто, с помощью чего можно было бы уничтожить в принципе любую вероятную жизнь где-то во вселенной? — Да, — усмехнулся профессор, — вы правильно поняли, молодой человек. Просто логика, если бы такие цивилизации существовали, нас бы никогда не было. Мы бы даже на свет не появились. Ну а коли мы существуем, значит, вряд ли это возможно. Значит существа, живущие где-то во вселенной, не похожи на нас. Абсолютно не похожи. Он ничего не ответил, лишь крепче сжал спрятанный за пазухой робы булыжник. «А что же тогда уничтожило жителей Венеры? — усмехнулся про себя. — Нет, профессор, нет. Если бы вы знали о том, что по этой земле тоже когда-то ходили разумные существа и так же, как мы, смотрели в небо на звезды, то не думали бы так. Там, в темноте космоса, кто-то есть. Должен быть. И, видимо, когда-то они уже прилетали в Солнечную систему. Но не к нам. Тогда не к нам». Он зло улыбнулся и спрыгнул со шконки.

Одна маленькая смерть

На пологой горе, скрывавшейся в желтоватой дымке за карьером, находился космодром. Оттуда часто отходили гигантские корабли, забиравшие руду. И сейчас, в вечном сумраке Венеры, виднелись всполохи света от вырывавшихся из мощных двигателей какой-то ракеты языков пламени. «Скоро и наш корабль

полетит», — подумал человек в скафандре. Ну где же? Грузовик уже должен был появиться! Он внимательно вгляделся в желто-коричневое марево. В будке засуетились. Там что-то происходило. «Лишь бы успеть», — подумал человек и приблизился к краю. Огромный экскаватор заканчивал грузить очередной состав. — Долго, — прошептал он и с опаской посмотрел на шар. — Долго. В карьере шла работа. Огромный ковш экскаватора загребал венерианскую породу, богатую металлами. И, медленно поворачиваясь на платформе, вываливал в кузов гусеницы. Где-то на другой стороне, переставляя опоры, шагала машина с гигантским шнеком, установленным на шасси. Перебираясь от огромной кучи камней к следующему месту бурения, она оставляла за собой большие квадратные отпечатки гигантских ног на раскаленном камне. Над ними венерианская атмосфера парила поднимавшимися волнами, преломляя свет, отчего машины, казалось, растворяются в ней, расплываясь, подобно призрачным видениям, на буром фоне горной породы. Человек обернулся в сторону саркофага. Внимательно огляделся. В желтовато-коричневой дымке тот словно парил над поверхностью. Он приблизил изображение и внимательно рассмотрел каждый, высившийся над красно-бурым раскаленным простором Венеры большой камень. Их в округе было довольно много. Ничего. — Вроде никого нет, — облегченно вздохнул он. Если бы подняли тревогу, то сейчас уже почти наверняка от саркофага неслась бы в сторону карьера боевая машина с вооруженными охранниками. Но горизонт был чист. Значит, они еще не поняли. Он перевел взгляд на будку. Там видно было движение. Кто-то внутри шара явно встревожился. И почти наверняка причиной тревоги был он. — Наверное, пытаются выяснить личность, — усмехнулся. Ну и пусть. Он предусмотрительно подменил маячки на скафандрах перед тем, как сбежал. Поэтому у охранников в будке сейчас крутилась голограмма местного главного инженера. Того, что прибыл совсем недавно на смену предыдущему, злобному старику, которого ненавидели все. Для инженеров в исключительных случаях допускалось свободное передвижение, хотя и с оговорками безопасности. Однако без компании еще никто из них здесь не ходил. Видимо, охранники сейчас ломали голову, зачем этому молодому понадобилось шляться вокруг карьера, да еще и в одиночку и можно ли ему так свободно здесь бродить. «Наверное, связываются с домом, — подумал он. — Проверяют протоколы безопасности». Если никого нет, значит, еще решают, что делать. Ну, минут пять максимум. Возможно, уже пытаются с ним связаться. Конечно, он не ответит. Потом, решив, что инженер их по какой-то причине может не слышать, пойдут к нему в каюту, проверять, он ли гуляет вокруг карьера или кто-то другой. Это еще минут десять. Итого есть минут пятнадцать, после чего объявят тревогу и за ним отправят поисковую команду. Впрочем, может, уже объявили, а он об этом не знает. Человек опасливо посмотрел на будку охранников. Те наверняка появились бы первыми. Там что-то происходило, но пока из нее никто не выходил. «Возможно,

скафандры натягивают и оружие проверяют?» — мелькнула мысль. Но пока все тихо. Пожалуй, минут пять еще есть. — Пять минут на жизнь, — усмехнулся он, — это так много! Рука невольно скользнула по специальному карману на скафандре. — Это дороже, — прошептал он, — дороже всего. Экскаватор вывалил последние тонны породы в грузовик и, опустив ковш на землю, замер. Человек насторожился в ожидании. Состав едва заметно задрожал и двинулся с места. «Ну вот, — пронеслось в голове, — началось». Теперь надо успеть. Во что бы то ни стало успеть. Он быстрым шагом направился в сторону дороги, наблюдая за охранниками в будке. Они наверняка следили за ним. «Надо идти прямо к пункту охраны, — вдруг решил он. — Если пойду в сторону — заподозрят неладное, а так будет шанс. Пока поймут что к чему, все будет кончено». И резко повернул, ориентируясь на маленький шарик со стоящим рядом плакатом. Серые тучи быстро неслись над головой. Ветра на большой высоте, там, где виднелись зеленые яркие всполохи молний, были гораздо сильнее, чем на Земле. И уж тем более намного сильней, чем у поверхности Утренней звезды. Он даже не заметил, как кислотные облака уже нависли над карьером. Человек в скафандре поднял глаза вверх. Теперь небо казалось черным, и эта чернота быстро приближалась к нему. Вскоре будет темно. Здесь это было обычным явлением. Дождь наступал почти мгновенно, и вместе с ним Венера погружалась в кромешную тьму. А потом надвигалась стена падающей с неба серной кислоты, раскаленной до невероятной температуры и растворяющей камни под ногами. Поверхность вмиг начинала дымиться кислотными парами. И очень быстро превращалась в раскаленную жижу смеси кислоты и грязи. — Только тебя не хватало, — буркнул он и взглянул в сторону карьера. Длинный состав, груженый камнями, медленно полз по дороге. Яркие фары осветили будку охранников. Грузовик приближался. И теперь был уже совсем рядом. Состав, плавно качаясь на кочках, добрался до плаката и подъехал к белому шару, заворачивая в сторону космодрома. Он пропустил его вперед и, выжидая, когда большие кузова, заслонив собой от охранников, скроют его из вида, на минуту замер. А потом, словно решившись, чуть подпрыгнул и рванул вслед за ним. Состав двигался медленно, поэтому догнать его не составляло труда. Лишь краем глаза через щели между наполненными породой кузовами он заметил, как из будки выскользнули какие-то тени. Но это его уже не интересовало. В несколько больших прыжков он нагнал грузовик и, схватившись за ребро жесткости одного из кузовов, подтянулся, запрыгивая на колесную раму. — Стой, гад, побег карается смертью, — донеслось откуда-то со стороны будки. «Решили, что я убегаю, — усмехнулся он про себя, — это к лучшему. Так и было задумано. Пусть думают. Тогда искать не будут». Сунул руку в карман на скафандре и вытащил небольшой булыжник, сверкнувший ярким серебристым светом. Мимолетным взглядом он скользнул по блестящему предмету, вплавленному в камень. Маленький прямоугольник тускло поблескивал, словно светясь изнутри. На нем

горели зеленым какие-то символы. Чуть задержался взглядом на них и, словно делая над собой усилие, отвернулся в мрачное венерианской небо. Раздались выстрелы. Человек оглянулся. Несколько охранников в черно-оранжевых скафандрах стояли на дороге позади грузовика с похожими на пистолеты предметами в руках и целились в него. «Как будто мне есть куда сбегать. — Он громко засмеялся. — Я здесь уже слишком долго. И пути на Землю нет. Мне не пережить декомпрессии. Уже не пережить». Человек в скафандре с силой сжал камень, а потом, словно решившись, размахнулся и закинул его в кузов. Тот пролетел по дуге и упал, медленно угасая и сливаясь с другими булыжниками. — Человек, достоин ли ты жизни? — прошептал он одними губами. — Давайте, твари, — усмехнулся, — я все равно смертник. Мы все на этой планете смертники, — и разразился громким заразительным смехом. Что-то больно ударило в бок. Его словно прожгли насквозь. Вслед за пулей в отверстие скафандра прорвался жар планеты и ужасающее атмосферное давление. Наверное, со стороны это походило на взрыв. Но ему уже все было безразлично. Он падал вниз. На раскаленные камни богини любви. Последнее, что он увидел, — огромное тяжелое колесо, под которым лопнуло зеркальное покрытие экрана на шлеме.

Первый контакт

«Внимание! Внимание! Эксклюзив!!! Сенсация!!! Внеземная жизнь существует! Сегодня ночью, 23 декабря 7616, года на околоземной орбите появился объект, прилетевший из глубин межзвездного пространства. Ученые нашего института изучения космоса обеспокоены. Объект имеет все признаки искусственного происхождения. Что нужно пришельцам? Что ожидать от неизвестных нам созданий? Правительство Земли пока никак не комментирует данное событие. Но, по предварительным данным, полученным нашей газетой, по всей Земле объявлен красный режим опасности. Замечены передвижения военной техники. Особенно межпланетных ракет войск Космической Обороны. Офицеры объясняют это простыми запланированными учениями. Капитан полиции Ван Греин так прокомментировал происходящее: “Приказ о проведении всемирных учений по противодействию террористической атаки из космоса мы получили еще месяц назад. И с появлением этого объекта оно никак не связано”. Тем не менее блогеры по всему миру распространяют непроверенную информацию. Всемирную сеть Интернет заполонили ролики с фотографиями и видео летящего на орбите объекта, а также комментарии по поводу его происхождения, некоторые из которых кажутся просто безумными. Так, например, житель городка Майлз-Сити, штат Монтана Арн Болт, утверждает, что “пришельцы прибыли на Землю, чтобы питаться человеческим мозгом. Они уже похитили его жену. Ее местонахождение до сих пор неизвестно. И полиция округа

организовала поиски женщины”. Эта печальная новость взбудоражила умы общественности. Ролик с его обращением к жителям Земли уже набрал несколько сотен миллионов просмотров. Но многие пытаются опровергнуть подобные высказывания. Только нашей газете удалось взять интервью у ведущего специалиста по внеземной жизни, астробиолога и просветителя Кики Оттен. Она так прокомментировала появление этого объекта: «…Не думаю, что нам стоит опасаться. Межзвездные расстояния настолько велики, что это трудно себе представить. И вряд ли какая-то цивилизация проделает столь длинный путь лишь для того, чтобы кого-то уничтожать. Мне кажется, они также заинтересованы в общении с нами, как и мы с ними. И я рассматриваю вчерашнее событие, событие, безусловно, историческое, беспрецедентное, событие, подобных которому еще не случалось за всю историю Земли, как дружелюбный знак с их стороны. Словно другая разумная жизнь протянула нам руку в знак приветствия. И ответное рукопожатие откроет для нас безграничные возможности для развития. Это изменит все. Правда, нам придется перестраивать свое общество под новые условия жизни. Но такая плата будет ничтожно маленькой по сравнению с теми перспективами, что сулит человечеству контакт с другой разумной цивилизацией. Наступает новая эпоха, свидетелями которой нам посчастливилось стать. Наступает эпоха великих перемен». Однако большинство ученых крайне обеспокоены появлением этого объекта. Так, например, действительный член-корреспондент академии наук, академик и доктор астрофизики Сони Рукью заявляет: “Эти существа гораздо разумнее нас. А мы знаем, что случается, если какая-нибудь разумная цивилизация встречает на своем пути менее разумную. Вспомните, что мы сами сделали с народами Северной и Южной Америки, Австралии, Новой Зеландии, народами севера и т. д. Вряд ли стоит ожидать, что другие разумные цивилизации с нами поступят иначе”. В поисках ответов мы обратились к известным медиумам. Знаменитая на весь мир Мадам Инья предрекла человечеству скорую гибель. “Сегодня Дева входит в созвездие Льва. А это говорит только об одном: в ближайшие месяцы нам угрожает великая опасность. Звезды, как и карты, врать не могут. Поэтому туз червей бьет пикового валета”. Всегда первые. Наша газета предоставляет доступ к самым свежим и актуальным новостям. Подписку вы можете оформить… Hu Luo, «They exist», 24. 12. 7616 // Earth Union News. 7616. 51 В нанокристаллическом экране простиралась большая голубая планета. С орбиты чувствовалась белесая дымка облаков, ложащихся на яркие огоньки электромагнитных всполохов. Среди небесной голубизны они казались большими кляксами красной краски, разлившейся в стороны от центра длинными тонкими щупальцами гигантского животного. Красивый желтый цветок прильнул лепестками к экрану иллюминатора своей каюты, словно вбирая в себя красоту открывшегося перед ним мира. Огромный корабль, пройдя сквозь космическое пространство

миллиарды миллиардов диаметров красной звезды. Такой родной и теплой, что горела рядом с его домом, согревая на ней жизнь. Теперь кружился вокруг совершенно незнакомой, но все же удивительной планеты. Здешняя звезда с орбиты казалась почти такой же по размеру, как и его родная. И грела примерно так же. Но была чуть динамичней. По крайней мере, именно так ощущалось излучение, исходившее от нее. Космический исследователь, будучи длиной в несколько километров, отбрасывал гигантскую тень на поверхность голубой планеты. Похожий на гигантского кита, он поблескивал огнями излучателей, располагавшихся, подобно плавникам, вдоль борта. И плавно покачивал большими кормовыми крыльями, ловя гравитационную энергию квантов антиматерии. Желтый цветок, замирая, осязал волны энергии, исходившие от яркого солнца. Он как будто разговаривал с ним, греясь в мягких потоках света. Его тонкий стебель мерно извивался, а кончик толстого корня медленно крутился по кругу, иногда вздрагивая. Потом совершив несколько волнообразных движений, подобно тем, что делают дирижеры, управляя оркестром и одновременно наслаждаясь музыкой, снова принимался кружить в такт неслышимой мелодии. Его десять сердец замирали от предвкушения встречи с так давно желанными братьями по разуму. Несколько периодов назад, пронизывая бесконечное пространство космоса и время, они заметили маленький всплеск энергии. Той самой энергии, которая говорила о разумной жизни. На секунду он прервался, а потом вдруг вспыхнул ярче прежнего, не оставляя сомнений, что тысячелетия безуспешных поисков наконец-то дали результат. Эта вспышка темной материи хоть и длилась меньше минуты бортового времени, но говорила об очень многом. Их цивилизация много раз находила разнообразную жизнь во вселенной, но те существа были дикими, и идти на контакт с ними было опасно. Ученые давно предсказали, какого уровня должна быть цивилизация, способная выйти к звездам. Способная дарить жизнь другим. Определили маркеры, по которым можно было бы такую жизнь идентифицировать среди множества других. Ведь для того, чтобы жизнь стала разумной, она должна пройти множество стадий развития. Становясь постепенно все мудрее и, подобно умудренному долгой жизнью старцу, терпимей и добрее. А самым главным из таких маркеров было освоение энергии темной материи. Ведь чтобы освоить столь мудреную технологию, необходимо суметь не уничтожить себя за целую сотню тысяч периодов. И то, как минимум. Многие циклы света и тьмы их корабли парили в межзвездном пространстве в поисках разумной жизни. Миллиарды цветов, подобных ему, с надеждой простирали разноцветные лепестки к маленьким огонькам электромагнитного излучения в надежде на чудо. Но все было тщетно. Бесконечность молчала. Она молчала всегда. Молчала, когда их цивилизация сама была дикой. Молчала и после — когда они стали разумны. Но теперь, теперь все изменилось. Теперь они точно знали, что не одни и где-то во вселенной живут существа, равные им по

разуму. Красивый цветок протягивал свои щупальца к маленькой планете, объятой электромагнитными волнами и шумом городов. Там внизу, под этими белесыми пленками облаков, в яркой голубизне невероятного и прекрасного мира, жили разумные и совершенно не похожие ни на одну из известных форм жизни создания. Наверное, они так же, как жители его родной планеты, сплетали свои маленькие щупальца в любовном порыве. Так же изгибали свои корни, прогуливаясь по прекрасной земле. Любовались великолепными пейзажами и нежно оберегали других удивительных созданий, живущих на голубой планете. И уж почти наверняка они так же, как жители системы красного светила, заглядывали вдаль безграничного космоса в надежде обнаружить других разумных существ. В каюту проник чуть сладковатый аромат. Дверь плавно открылась, и на пороге появился белый с голубоватым отливом цветочек. Нежные лепестки тряслись от возбуждения, переливаясь волнами разных оттенков синего, а тонкий, изящный стебель покрывали нежные бархатные листья. Щупальца плавно покачивались, источая легкий запах свежего бриза. Желтый бутон замер. Потом встрепенулся и покачался из стороны в сторону. Снова замер. Щупальца лепестков мелко задрожали, и в каюте почувствовалась альпийская свежесть, словно спустившаяся с заснеженных горных вершин. Белый цветочек медленно подполз к собеседнику. Бархатные листья развернулись и словно вспыхнули тусклым фосфоресцирующим светом, каким загораются светлячки в темноте ночи. В маленьком помещении с висящим в углу крючком, видимо служившим приспособлением для сна, появилось что-то земляничное, к чему прибавились нотки шалфея, сирени и пряностей. Желтые лепестки потянулись к маленькому белому цветку и задрожали, словно листья осины на ветру. В воздухе повис легкий медовый аромат. Белый цветок на миг погас. Его листья было вновь начали сворачиваться, но потом вдруг качнулись и опять расправились. Засияли ярко, переливаясь синим и вспышками красного, привнося в общее благоухание легкость быстрой реки, несущейся вдаль, к огромному бескрайнему океану. Желтый цветок качнулся. Его лепестки плавно повернулись вновь к иллюминатору. Прильнули к тонкому экрану, отделявшему его от голубой, сияющей огнями электромагнитного излучения планете. Несколько минут он стоял, словно пытаясь что-то уловить. Потом, бросив, поднял бутон вверх и затрепетал. Помещение объял сильный запах корицы. Белые щупальца нежного цветочка встрепенулись и напряженно замерли. Синие переливы чуть стихли, постепенно сменяясь на желтые. В каюте появился легкий привкус миндаля. Желтый бутон вновь прильнул к иллюминатору. Через минуту отпрянул, источая запах жгучего перца. Его бутон дрожал, а лепестки сплетались и расплетались, словно змейки. Белый цветочек обернулся листьями, переливавшимися теперь желтым цветом. Лепестки дрожали, но уже не так, как до этого. Да и тонкий изящный стебель вдруг затрясся, покачивая большой бутон. В комнату пролился

запах мускуса с нотами уксусной кислоты. Желтый цветок охватила дрожь. Из бутона по стеблю медленно спускались маленькие капельки, подобно росе, скопившиеся на лепестках и не удержавшиеся на гладкой поверхности. Они скользили вниз, оставляя за собой тонкую влажную полоску на стебле, и плавно падали на пол, перед толстой ногой. Длинные нежные щупальца выбросили в воздух желтоватое облачко, пахнущее муравьиной кислотой, словно кто-то растревожил муравейник и маленькие создания пытаются отпугнуть обидчика. Белый цветок повернулся в сторону двери и сначала хотел было ползти к выходу, но потом вдруг резко остановился и, раскрыв листья, потянулся к желтому. Фосфоресцирующий свет, подобно призрачному фонарику, осветил маленькое помещение, раскрашивая его в разные оттенки, начиная оранжевым и заканчивая почти белым. Желтый несколькими щупальцами провел по иллюминатору, и оторвавшись от него, потянулся к белому цветочку. Его лепестки коснулись тонких змеек, чуть отпрянули в нерешительности и спустя мгновение слились с белым бутоном, переплетаясь лепестками. Бархатные листья белого цветка обняли его и погасли, погружая помещение в темноту. В воздухе повис стойкий аромат ладана. На фоне голубой планеты, вынырнув из белой пелены облаков, появилось несколько маленьких светящихся точек. Они быстро приближались, время от времени вспыхивая чуть ярче и поправляя курс. Огромный корабль, кружащийся на орбите, плавно покачивал хвостовыми крыльями под горячими лучами раскаленного желтого карлика в ожидании первого контакта с разумной жизнью. Прекрасные цветы вселенной больше небыли одиноки. Человечество вышло на новый виток своего развития. Маленькие точки быстро росли, окружая космического кита.

Созвездие Журавля. Красный карлик Глизе 832.7714 год от сотворения мира

Третий рыбак А ведь помнишь, хозяин, что я сказал, когда мы увидели дельфина? Здорово он прыгал и кувыркался. Я слыхал, будто дельфины на вкус напоминают и рыбу, и мясо. Пропасти на них нет, проклятых! Каждый раз, когда вижу дельфина, боюсь, что меня волной смоет в море. Дивлюсь я, хозяин, как это рыбы живут в море! Первый рыбак Да живут они точно так же, как и люди на суше: большие поедают маленьких. Посмотри, например, на богатого скрягу: чем не кит? Играет, кувыркается, гонит мелкую рыбешку, а потом откроет пасть и всех их, бедненьких, одним глотком и сожрет. Да и на суше немало таких китов: откроет пасть и целый приход слопает, да и церковь с колокольней в придачу... Уильям Шекспир. — «Перикл» — пьеса, Акт 2. Сцена 1. — Перевод Т. Гнедич, OCR: Максим Бычков — Они прилетали на нашу планету явно не с дружескими намерениями. В обломках их корабля было обнаружено огромное количество оружия. Да такого, что если бы они применили его, то вся наша планета

превратилась бы выжженный булыжник, подобно Венере, — проговорил крупный мужчина, стоя на палубе огромного звездного крейсера. За большими нанокристаллическими экранами в свете яркой красной звезды была видна маленькая зеленая планета с голубыми пятнами океанов и розовыми, местами переходящими в бордовые и малиновые оттенки красного облаками. На фоне солнечного диска виднелась цепочка маленьких точек. Шестой флот Земли, уничтожив все корабли цветов, не успевших бежать, приблизился к чужой красивой планете, согреваемой теплым светилом. Те немногие корабли инопланетян, что успели эвакуироваться и теперь скрывались в глубинах черного космоса, должны были отлавливать седьмой и четвертый флот. А задача, возложенная великими правителями на людей, разглядывавших маленькую, уютную и беззащитную планету сквозь огромные иллюминаторы боевой рубки крейсера, была до крайности проста. Несколько десятков кораблей выстроились на безопасной орбите и ждали приказа на открытие огня. Огромные, длиной в несколько километров, похожие на гигантских двухвостых скорпионов с загнутыми в виде крючков хвостами. Которые время от времени вспыхивали яркими огнями электромагнитных излучателей мощных двигателей. Они беспристрастно высчитывали траектории и вводили необходимые данные в ракеты, нацеленные на планету других, совершенно непонятных созданий. В мощных увеличителях, выделявшихся квадратами в углу экранов, было очень хорошо видно, как странные существа с большими бутонами собирались в огромные толпы, заполняя все улицы и широкие площади огромных городов. Они шли, словно ожидая некого космического представления, пропустить которое было нельзя. И только по тому, как некоторые из них поднимали к верху в красивых, переливавшихся разными оттенками желтого листьях маленькие цветочки, очевидно, младенцев, можно было догадаться, что они совсем не рады были гостям. — Посмотрите, — буркнул крупный мужчина в форме капитана космофлота, стоявший рядом с худым человеком, — разве этих тварей можно назвать разумными? Сбились в кучу, словно стадо баранов, и ждут, когда мы их прикончим. Худой попытался вглядеться. Отсюда, сверху, эти цветы казались такими маленькими. Они поднимали вверх свои лепестки, выпуская разноцветные облачка. Некоторые сплетались с другими, обнимая маленькие цветочки с еще нераспустившимися бутонами. И как будто бы дрожали. Видимо, ветра на этой планете были довольно сильны. Он попытался рассмотреть удивительные строения, возвышавшиеся над ними, совершенно не похожие ни на что известное человечеству. Перевернутые вверх дном пирамиды, огромные, выступающие из недр земли диски и целое море разнообразных кристаллов, заполненных маленькими пузырьками. Огромные площади с существами словно висели над землей и переливались всеми цветами радуги по краям. «Удивительно, — подумал он. — Почему у них нет автомобилей? Вообще никакого транспорта видно. Ни самолетов, ни поездов, ни больших танкеров для

перевозки груза через океаны». Земля была заполнена гудящими и свистящими машинами. Сжигающие атмосферу и жизнь механизмы были предметом культового поклонения. «Возможно, под землей, — догадался он. Наверно там целая сеть тоннелей. Огромная паутина, переносящая существ из одного места в другое. Вполне возможно, что им может воспользоваться любой и в любое время. Да и передвигается этот транспорт на каких-нибудь электромагнитных подушках, да еще и в вакууме. А может быть, подобно пневматической почте. Наверняка и скорости там невероятные. Близкие к космическим». — Не думаю, что они неразумны, — поднял вверх одну бровь худой. — По крайней мере, прилететь к нам у них ума хватило. — Я слышал, что иногда разумные существа начинают деградировать. Читали «Последнюю книгу»? Там как раз описано общество, где существа отупели, и, по сути, ими начали управлять машины. Может быть, к нам их привели технологии, а сами они были не более чем крысы в клетке? Пассажиры, — зло сплюнул он. — Не знаю, — пожал плечами худой. — Но они не производят впечатления безмозглых существ. Посмотрите сами. Протягивают к нам детей. Показывают, что среди них есть младенцы. Значит, они все понимают и молят нас не нападать. Вам так не кажется? — А может быть, просто поднимают повыше? Так сказать, в первые ряды кинозала, — усмехнулся капитан. — Вы так думаете? — Да какая разница? — начал выходить из терпения командир корабля. — Они прилетали к нам, чтобы уничтожить. Это знают все. Даже школьники. Об этом написано в учебниках по истории. Я уж не говорю об огромном количестве статей, посвященных тому великому бою в космосе. Разве вы не знаете? Или для современных журналистов исторические факты ничего не стоят? А истина одна. И неважно, что вы о ней думаете. Они напали на нас первыми. К счастью, наши великие правители вовремя среагировали. Иначе, сами понимаете, сейчас нас бы уже не было. — Да, наверно, вы правы, — тихо сказал худой, — только они ведь ни разу не применяли против нас оружия. Ну, если не считать того случая с похитителями мозгов. — А вам одного случая мало? — бросил ему капитан. — Если бы мы им дали тогда волю, то таких было бы гораздо больше. Видимо, они и мозги-то воруют, потому что своих не хватает. — Ну да, а наши-то им чем помогут? — Ну я не знаю! Спросите ученых, они вам все расскажут, — отмахнулся от него собеседник. — А вообще, я бы вам советовал поменьше задумываться о всякой там ерунде. Правительство еще никогда нам не врало. И сейчас не лжет. Факты их нападения на нас давно изучены. Да и про этого гада, предателя, все давно известно. Жаль, что его не расстреляли сразу, а дали возможность после того ужаса, что он натворил, еще целых десять лет жить. Если бы не он, то нам никогда бы не пришлось оборонять свою планету. Никогда, слышите? — Вы про этого… как же его там? Запамятовал. Про маньяка, убившего возле магазина свою жену и собственного ребенка? — уточнил худой. — Да, про того самого, — скривился капитан. — Если бы не тот ублюдок, они бы никогда не услышали

сигнал. Вообще не понимаю, что только может быть у человека в голове? Желать смерти целой планете. Миллиардам людей! Это сколько же ненависти должно быть в сердце. Моя б воля, уничтожал бы таких еще в детстве, гадов. — Он смачно плюнул в сторону увеличителя. — Твари, как таких только вселенная рождает? В углу увеличителя что-то мелькнуло. Худой пригляделся. «Может, показалось?» — вспышкой проскользнула мысль. А, нет, вот же. Вон там, рядом с большим кустом, в бескрайних, видимо, очень сухих прериях маленькой планеты. Ну, точно, правда, плохо видно. Большое животное с шестью лапками, чем-то похожее на паука, сливающегося с зеленью планеты. Как-то странно притаилось. Как будто охотится на кого-то. Видимо, там кипит жизнь. И есть свои волки, тигры, львы. «А вот и ответ, — заметил журналист небольших созданий, похожих на жуков, покрытых с ног до головы роговыми выростами. — Жуют траву, — усмехнулся он про себя. — Они не знают, что жить им осталось несколько минут. И этот, который охотится, даже вообразить не может, что в джунглях появился новый хищник». — Господин капитан первого ранга, — загремел по телекоммуникатору голос командира боевой части шесть, той самой, что управляла ракетами космос-планета. — БЧ-6 к пуску готова. — Пуск по времени. Приступайте, — бросил капитан. — Интересно, — поинтересовался у него худой, — что чувствует человек, когда убивает миллионы беззащитных существ? — Космос — темный лес. Вы сами знаете. Каждый сам за себя. Поймите, жизнь несправедлива. К сожалению, она так устроена, нравится нам или нет. Мы вынуждены защищаться. Ведь они напали первыми. И это понятно. Любое сообщество живых организмов устроено одинаково. И даже в самом образованном и гуманном обществе среди миллиардов хороших людей всегда найдется парочка уродов. Мы не имеем права рисковать. — Там множество существ, которые ничего плохого нам не делали. Вон там, посмотрите сами, — указал худой на притаившегося за кустом «паука». — Тем хуже для них. В большом океане как на войне: или ты их, или они тебя. — Капитан бросил гневный взгляд в его сторону. — У меня приказ. Я не имею права не подчиниться. В это мгновение корабль содрогнулся. Раздался громкий грохот, и языки пламени облизнули боевую рубку. На фоне яркой красной звезды, безучастно сиявшей в бесконечном пространстве, к небольшой зеленой с выделявшимися на ней голубыми пятнами океанов планете, покрытой нежными розовыми облаками, где когда-то жили прекрасные цветы вселенной, летели маленькие точки ракет, начиненных черной, непостижимой энергией темной материи. Худой человек отвернулся и молча пошел в свою теплую уютную персональную каюту. Там, где была удобная мягкая кровать и ждала маленькая красивая книжка великолепных и мелодичных стихов Шекспира.